

На небосводе новой военной прозы появилась яркая звезда молодой уральской писательницы – Екатерины Наговицыной. Разобраться в её творчестве следовало бы более опытным критикам, но переполнившие душу эмоции при неоднократном прочтении её книги¹ заста-

¹ Екатерина Наговицына. Энгенойская ведьма. – Екатеринбург, «Ас-Пур», 2015. – 292 с.). В эту книгу вошли все разбираемые мною повести и рассказы, за исключением рассказа «Последний урок», размещённого на сайте «ArtOfWar».

вили меня взяться за перо. Не раз я откладывала начатую работу, желая приглядеться с холодной головой к секрету притягательности такого непростого, вызвавшего противоречивые оценки творчества. Творчества, показывающего, казалось бы, незнакомые для многих из нас боевые будни, но обнаруживающего и много знакомого для мирного человека; творчества, задевающего самые тонкие струны души, пытающегося осмыслить перипетии поиска смысла жизни человека, наше разочарование не только в близких, но и в себе, нравственные терзания.

Я человек сугубо мирный, но очень люблю правдивую «афганскую» и «чеченскую» прозу, потому что, хотя меня и моих родных миновала чаша сия, но мои ровесники служили в Афганистане, а ровесники моих детей – на Кавказе, и, считаю, нашему поколению не может быть безразлично удручающие сознание войны. Мы обязаны изучать историю не только по учебникам, а новейшую – ещё и из опыта участников «горячих» событий. И в этом отношении суровая, а порою беспощадная правда Наговицыной может оказаться бесценной. Известно, что короткая историческая память способствует новым ошибкам, и тем более нелишне учиться на чужих ошибках.

Самую основательную и в то же время самую отрицательную оценку творчества Екатерины Наговицыной дал поэт и прозаик Адам Ахматукаев. Вывешенная на сайте Окорка.ru его критическая статья «Снайперша с обоймой «добрых» слов» с характерным подзаголовком (Отповедь «злого чечена»²) получила изрядную долю нападков как со стороны писателей, так и со стороны читателей, позитивно принявших прозу нового автора и показавших незадачливому критику, что с враждебными помыслами

² Акцентируя «принадлежность к опальной нации», А. Ахматукаев на протяжении всей статьи не выходит из образа поруганного, униженного и оскорбленного.

в чужой окоп лучше не соваться³. Безусловно, самым ярким и ёмким был ответ критику самой Е. Наговицкиной – уважительный, взвешенный и объективный.

О статье А. Ахматукаева – разговор особый. Позиция критика показалась мне шаткой, а многие упрёки – необоснованными. Попрекая Наговицкину стрельбой из лёжки, сам Ахматукаев, похоже, завидует её профессиональному «попаданию в десяточку» на литературном поприще⁴ (ряду заслуженных побед на литературных конкурсах⁵). И это в то время как сам критик, нелепо помахивающий автоматом, держа его за цевьё, напоминает тех парней

³ См. комментарии В. К. Олейника, А. Я. Воронина, В. Н. Миронова, А. Гончара, автора «Чеховнет», Константина и многих других на обозначенную статью А. Ахматукаева на сайте «Окорка.ru». Так, А. Я. Воронин приводит жесткие, если не жестокие факты, свойственные любой войне – без прикрас и лакировки (замечательна его полемика с анонимным автором, прячущимся за именем «Читатель»). Объективную с исторической точки зрения и верную в художественном отношении оценку прозе Наговицкиной даёт А. Гончар. Интересны меткие как выстрел, комментарии В. Н. Миронова, за каждым словом которого – боевой опыт (например, его диалог с тем же «Читателем» об экономической подоплёке современных гражданских войн). Короткое, сдержанное, данное существу сообщение оставила Татьяна Ромащенко. И т. д.

⁴ Позиция обиженного – это, как правило, позиция завистливого человека, не жалеющего средств для очернения чужих достижений. Что же, литературному успеху Екатерины Семёновны можно было бы и позавидовать, если не знать, какую цену заплатила писательница за подлинность реалистических сцен и точность военных эпизодов. Это возможно только автору, знающему правду жизни и правду войны.

⁵ Е. Наговицкина удостоилась второго места в номинации «Малая проза» и первого места в конкурсе зрительских симпатий в той же номинации за рассказ «Записки офицера» (2012); третьего места в номинации «Проза» за рассказ «Санька» на III Межрегиональном литературном конкурсе «За далью – даль», посвященном 105-летию со дня рождения А. Т. Твардовского; Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика В. Т. Станцева, приуроченной к 70-ой годовщине победы над фашизмом (2015) за книгу военной прозы «Энгенойская ведьма».

из «офисного планктона» (рассказ «Последний урок» Наговицыной). Неверное прочтение и неверное толкование повестей и рассказов Наговицыной критик обнаруживает на каждом шагу. Но отслеживать и опровергать эти его шаги я не буду (это в достаточной степени сделали писатели и читатели сайта), хотя обращаться к статье указанного критика придётся. Также есть необходимость остановиться если не на всех, то хотя бы на главных обвинениях критика автору. К этому я вернусь немного позднее.

Из творчества автора я преднамеренно выберу только две темы: поиска своего места в жизни и предательства, хотя они взаимообусловлены не менее важными темами: патриотизма, профессионализма, дружбы, взаимовыручки, телесного и духовного здоровья и боли, телесных и духовных горя и радости, телесных и духовных жизни и смерти (темами, проблематичными в силу бесспорной объективности определений, но спорного, субъективного их понимания). Спектр проблем не нов, диапазон их широк, проявления в жизни необъятны и непредсказуемы. Чем же привлекает внимание и побуждает читателя откликнуться проза нового автора? Как ни удивительно, Наговицына сумела из военной жизни донести мирному читателю **универсальность** сжатых и содержательно ёмких алгоритмов своего понимания выше обозначенных проблем.

Тему предательства автор развивает зримо, ощутимо, во всех неприглядных тонкостях и нюансах. Идущее от трусости и жадности наживы, предательство прикрывается множеством оговорок в бесчеловечном устремлении к «мечте» о «хорошей» жизни, пусть даже ценою чужих жизней, как говорится – «по головам и трупам» (алчный и трусливый Юра из «Здравствуй, вчера!»). Предательство остаётся таковым, даже будучи по-современному

закамуфлированным безобидной фразой «утечка информации» (на первый взгляд удачливый, но на поверку – фальшивый, завистливый и жестокий майор Васеев из «Энгенойской ведьмы»)... В ряду отрицательных персонажей можно рассматривать и озлобленного халтурщика и неудачника Славка из «МИ – 24», и стукача подполковника Лимонова из «Энгенойской ведьмы»...

Как видно, предателей из стана «своих», вырисованных чётко и ёмко, у Наговицыной гораздо больше, чем «образов врага», обозначенных скорее абстрактно. Видимо, война с незримым, затаившимся предателем для автора намного сложнее и больнее, чем с врагом обозначенным и понятным. К чести автора стоит сказать, что многие писатели рискуют разгрести завалы предательства и подлости в своём окопе. Но кто-то должен делать и это неблагодарное дело.

Оппоненты Наговицыной вряд ли поспорят по поводу того, что на войне учат убивать. Каким образом и какими словами внушают новичку науку выживания? Писательница проливает свет на эту неприглядную сторону войны (снайпер Тамара в повести «Энгенойская ведьма» вводит в специальность вновь прибывшую Киру; главный герой рассказа «Несколько длинных военных дней» учит молоденького, растерявшегося на войне солдатика Чижубина убивать; рассказ «Последний урок» – это по существу мастер-класс по воинской науке). Как видно из эволюции героев, воинская наука пошла им на пользу (Кира становится профессионалом, а нескладный Чижубин, пройдя чеченский ад, – бойцом, способным противостоять подонкам не только в военной, но и в мирной жизни). Но если цитировать в отрыве от общего контекста какие-то отдельные фразы, как это делает критик Ахматукаев, легко искажается суть воинской науки. А суть в том, что если не убьёшь ты, то убьют тебя. Вряд ли нынешних

необандеровцев учили воевать по русским, украинским, чеченским и прочим народным сказкам. А вот научили же, и всего за два с небольшим десятилетия вдолбили юнцам в головы образ врага, и учителя были ещё похлеще наговицынских тамар.

Для меня весьма своевременным и родным оказалось прочтение рассказа «Встреча на обочине». Относиться к нему можно по-разному. И придирчивому читателю, вполне вероятно, тут будет за что покритиковать автора. Герой рассказа, уставший убивать на войне и подумывающий по поводу того, чтобы бросить службу и остаться в мирной жизни (даже собачку, выскочившую на дорогу, пожалел, а ведь мог бы, совершая виртуозный объезд по скользкой дороге на высокой скорости, не просто в кювет улететь, а насмерть разбиться), в этой самой мирной жизни убивает трёх подонков. Профессионально убивает. И едет дальше. Читателю легко рассуждать: а что было, если бы... Ответ: тогда его убили бы. Критики, подобные ахматукаевым, кинутся в рассуждения: почему троих? Можно было бы остановиться на одном, а уж после второго – непременно остановиться, а третьего взять на воспитание... Или вообще с самого начала не лучше ли было бы попытаться остановить, образумить и наставить разбойников с большой дороги могущественной силой слова? Но разве неверно то, что «...невозможно заставить бандитов жить нормальной, честной, мирной жизнью»?

«Случай на обочине» показался мне сродни «Энгенойской ведьме»: это всё та же мечта о справедливости и о том, что чудо возможно, и все подонки получат по заслугам, и пространство нашей и без того сложной жизни очистится от грязи и появится уверенность хотя бы в том, что возможно жить в безопасности.

Теперь о том, чем таким родным мне показался этот рассказ. Рассуждениями главного героя. И они тут

намного значительнее сцены кровавой расправы. Вот только некоторые рассуждения, которые не чужды любому ответственному человеку, переживающему разочарование в своей жизни и работе: «Надо набраться мужества и признать, что изработался. Отдал всё, что мог... не хочу больше...»; «Вот она, правда – размяк, спёкся, насытился службой, кончился как профессионал...»; «Но теперь понимание, что все мы пешки в чьей-то чужой игре, усилилось настолько, что тошно...»; «Если вера в руководство пропала – надо уходить»; «... впереди будет ждаться расплата душевной болью и терзаниями...»; «... люди иногда доживают до пенсии. И на этом жизнь не кончается...»; «... главное – не зачмонеть и остаться человеком»... и т.д. Применительно к мирной жизни эти и подобные мысли, переживания, так называемая рефлексия порождается драмой, в жизни военной – как правило – трагедией... Разница, как видно, велика. Но важно другое: в ёмкой прозе Наговицыной за универсальными образами встают и наши собственные судьбы, наши мысли, переживания и рефлексия.

Поиск своего места в жизни... Наверное, каждый из нас мечтал в начале жизненного пути о призвании, вдохновенном труде и полноте жизни. Тогда и в голову не приходило, что мечты эти реальность откорректирует до неузнаваемости, а подчас – до безобразия... Пусть другим будет стыдно за отступления от своей мечты, своего призвания и своего осознанного выбора. Наговицына не отступила; и никто не отнимет у неё права сказать выстраданное: «путь воина тяжёл и тернист, но богоугоден» («Энгенойская ведьма»).

Что-то мешает назвать войну любимой работой, но назвать воина профессионалом не просто можно, а должно, потому что иначе не приходится говорить о защите Родины. Своё профессиональное и жизненное кредо

Наговицына формулирует так: «Воевать должны не мужчины или женщины, не старые или молодые, воевать должны профессионалы. Люди, которые умеют это делать, а самое главное, морально готовы. Пользы от этого уж точно будет больше, если, конечно, можно так рассуждать о вопросе войны и мира. Но я говорю о защите. защите нашей Родины, мирных жителей и близких нам людей» («Энгенойская ведьма»). И опять следует отметить универсальность «рецептов от Наговицыной»: то же самое можно сказать и о тех, кто учит, лечит, строит, управляет... Просто война ставит на этом кредо печать необходимости, в то время как в мирной жизни оно тяготеет к предпочтительности, желательности, в лучшем случае – обязательности). Но и в мирной, и в военной жизни мы сталкиваемся с несоблюдением этого правила, приводящем, как и несоблюдение любого правила, к драмам и трагедиям. Отсюда – смерть. Физическая. Или духовная. Вот оно, универсальное (на военное и мирное время) правило, выстраданное автором, изложенное в рассказе «Последний урок»: «Ты можешь быть профессионалом, ты можешь быть патриотом, ты можешь быть дерзким, ловким и умным, но если спину тебе прикрывают уроды – итог будет печальный».

А сколько же нелепостей обнаруживается в нашей жизни, когда ставят крест на профессионалах! На войне опять же это становится трагедией, смертью. Но как жить выбывшим из строя, пережившим свою духовную смерть, в мирной жизни? И что есть смерть для нас? Для окружающих? Верно подмечено писательницей, что для непрофессионалов – офисного планктона – смерть является лишь поводом выпить по тебе пива (рассказ «Последний урок»)..

О необходимости или ненужности женщины на войне (снайпера, медика, кинолога и т.д.) – женщины, чувствующей своё место именно здесь, мы рассуждать

не будем, а согласимся с выстраданными выводами Е. Наговицыной. Многие ли из нас с полной уверенностью могут повторить за автором о своей работе или службе такие слова: «Всею душой ощущая: служба – это моё!» («Встреча на обочине»)? И пока у нас есть мужчины, забывающие о том, что такое честь, доблесть, совесть, долг, патриотизм (либо хорошо знающие им «цену», но продавшие их в угоду политическим интересам), будут и женщины-воины, готовые отстаивать обозначенные выше ценности с оружием в руках. И пока в обществе есть паразитирующие мужчины, пробавляющиеся бандализмом, будут и мужественные женщины. И такие женщины достойны уважения!

За своё право называться профессионалом Екатерина Наговицына боролась годами, отстаивая его в рядах боевого мужского содружества, а не офисного планктона. Екатерина Наговицына – кавалер Ордена Мужества. За что награждают таким орденом? Как человек, совершенно далёкий от военной жизни, я думаю, что этим орденом награждаются посланные на верную смерть, но вернувшиеся оттуда. Она вернулась, чтобы выполнить свой долг и рассказать правду о войне, увиденную собственными глазами. Поэтому литературное творчество Екатерины Наговицыной, равно как и выбор ею военной профессии, является осознанным выбором. В короткие минуты передышки сменить автомат на перо – удел немногих. Но писательница осознаёт богоугодность и этого пути: ведь пишет она о самом главном, о котором в таком ключе вряд ли кто расскажет.

Для Наговицыной работа со словом – не просто возможность «высказать всё, что наболело – внутреннюю усталость, ощущения рядом бродящей смерти, бездарной и непутёвой организации работы, неизменного предательства, продажности, зависти, тупости, и повсеместной

непроходящей глупости...». Это и ответственность перед теми, кто уже не сможет ни сказать своего слова о войне (в данном случае – чеченской), ни проанализировать просчеты и ошибки, удачи и победы, ни предостеречь от опасности знанием и опытом своего военного ремесла. Это и долг перед теми, чьи жизни вручены вместе с руководством («В бригаду призыв новый прибыл. Пацаны зелёные совсем, но есть смышленные. Если вложить в них душу и опыт, то толк будет. Далеко пойдут. А главное, будет шанс выжить и победить» («Случай на обочине»).

Работая с военным материалом, реальными событиями, омытыми кровью, преподнося его читателю искренне и эмоционально, не лишая его того самого художественного вымысла, над которым классик обливался слезами, автор, что называется, «попадает в яблочко», что позволяет считать повести и рассказы Екатерины Наговицыной выдающимся явлением в современной литературе.

Приведу примеры.

Вот читатель знакомится с боевыми вертолётами – «МИГами» и «СУшками», которые хотя и гораздо менее уязвимы, чем люди, но всё же умеют чувствовать боль, представлены со своими размышлениями и чувствами, душами и характерами. Они умеют радоваться, обижаться и досадовать, способны на месть и подвиг... Им тоже снятся сны, и даже кошмарные, для них, как и для воинов-профессионалов, война – работа. Своим обострённым «техническим шестым чувством» они способны распознавать человеческие души, даже видеть их – либо красивыми, солнечными, светящимися, либо в цвете отработанного масла. Удивительно человечно строятся отношения боевых машин с лётчиками, с людьми, которые «пробуждают... душу в куче многотонного железа». Но конечно, не со всеми, а с лишь теми, которые настроены с машиной «на одну необъяснимую волну», понимают

и ситуацию, и свою «вертушку» «ещё до сработки электроники». Именно с такими людьми вертолёт становится живым членом экипажа. Именно с ними в полной мере выявляется «боевая красота» воюющей машины. Автор настолько убедительна в небольшой повести «МИ-24», написанной от лица боевого вертолёта, что читатель вполне принимает и понимает описанный ею один из случаев, «необъяснимых человеческой логикой, заставляющих лётчиков потом суеверно креститься и молиться своим богам»... В случае смертельной опасности даже боевая машина может поступать «по нашим неписаным законам», потому что война «иногда стирает многие запреты»⁶...

Фатальную обреченность («какое оптимистическое будущее может быть у боевого вертолёта?») и трагичный финал (гибель вертолёта и двух членов экипажа) смягчает глубокая вера в то, что «все вертолёты попадают в рай».

Короткий рассказ «Санька», фиксирующий минуты безрадостной жизни в военном госпитале, несёт в себе мощь противоречивых эмоций, так и не разрешаемых психологической обречённостью финала, но оставляя читателю широкое поле сотворчества, домысливания в восприятии двух судеб в диалектике войны и мира – больного с тяжелой контузией и его лечащего врача – женщины...

Наше неумение, либо боязнь, либо нежелание лишних проблем много способствуют тому, что как-то сильно уменьшилось количество людей, способных даже просто одёрнуть, а не то чтобы ещё и дать отпор наглецам, хамам, преступникам. Наше легкомысленное попустительство умножает их ряды. Уже упомянутый здесь рассказ «Встреча на обочине» заставит поднапрячься гуманистов

⁶ Вот ещё один пример авторского «упования на чудо».

и законников. Однако и призадуматься тоже заставит... И вопрос тут вовсе не в том, какой национальности подонки. Свежи в памяти «лихие девяностые» с разросшейся, как раковая опухоль, преступностью, сведением счетов, «разборками» и удивительной безнаказанностью. Ныне криминогенная ситуация зачастую носит национальный окрас, неизбежный в странах, отмеченных повышенной миграцией населения. Так что случай на трассе не такой уж надуманный, а для российского читателя вполне художественно убедительный: и в том отношении, когда война догоняет бойца в мирной жизни⁷, и в том порыве дать отпор наглецам, попирающим человеческое достоинство.

Насколько бережными явлены дружеские отношения в повести «Здравствуй, вчера!»: друзья (живые и умершие) помогают прозреть погибшей героине, по прозвищу Лайка, подготавливают её к спокойному принятию своей новой сущности. Эта повесть о горьких потерях, обесмысливающих жизнь («А я не знала, как дальше служить, не чувствуя рядом их надёжного товарищеского плеча»), о состоянии душевного опустошения, рождающего бессилие («пытаюсь унять оголённую душевную боль потери, одиночества и страшного осознания – ничего изменить нельзя»), когда опыт рождает «периодически сжимавший душу страх – привязаться к ним, а затем ощутить боль, когда придёт время разъезжаться»⁸. В повести не говорят «о политике, о кем-то наворованных деньгах, о звёздах шоу-бизнеса и реформах ЖКХ»... Герои повести растворяются в атмосфере дружбы, заботы, понимания, где ощущение лёгкости и счастья возвращает потерянную способность – смеяться от души...

⁷ «Догнал меня Кавказ на своей земле» (рассказ «Встреча на обочине»).

⁸ Продолжение фразы: «Оказывается, я стала бояться приобретать, чтоб потом не терять».

Остросюжетные повести и рассказы Наговицыной со всегда непредсказуемым финалом, облеченные в реалистические, мистические, а порою и в фантастические формы⁹, психологически достоверны, эстетически приемы, жизненно узнаваемы и художественно убедительны. Творчество автора балансирует на грани жуткой реальности и фантастики: то ли это самое пекло войны, то ли «масштабная страйкбольная игра, где сошлось около тысячи человек, среди которых есть люди с реальным боевым опытом и простые гражданские» («Последний урок»), то ли возвращение героини, переживающей утрату друзей, из тяжёлой командировки, то ли дружеская помощь в адаптации в мире умерших...

Проза Наговицыной полна непредвиденных перипетий судьбы, не исключая случайностей. Так, главного героя в рассказе «Несколько длинных военных дней» «от кучи мелких смертоносных осколков закрыл собой парень, которого всего сутки назад, видимо, так же прикрыл собой командир»... Юрка стрелял в Лайку, а убил ещё и Клима (который «к его мечтам отношения не имел. Но что поделаешь...»), и счёт этот пополнили врач Ирина и молодой контрактник, бросившиеся Лайке на помощь... (повесть «Здравствуй, вчера!»). Но нет! это не случайности и не та судьба, в которой «лес рубят, щепки летят» – это взаимообусловленность предательства и солдатской (дружеской) взаимовыручки. Солдатской – то есть тех, кто знает свой воинский долг и хранит верность ему, несмотря на такое естественное желание выжить в человеческой мясорубке.

Безусловно, говоря о достоинствах прозы Екатерины Наговицыной, невозможно обойти стороной обозначенную критическую статью А. Ахматукаева, отыскавшего

⁹ «Продолжательницей магического реализма» критики называют Ольгу Славникову из Екатеринбурга. Видимо, это свойство отличает творческую направленность некоторых уральских писателей.

как у героев писательницы, так и у неё самой множество пороков и недостатков. Главный упрёк критика автору – в «чеченофобии». А. Ахматукаев сетует, что с ермоловских времён чеченцев-де не особо любят и жалуют. А вот и призадуматься бы почему. Ведь не сегодня и не вчера обнаружилась такая вот антипатия, и не к единицам – к народу! И не у единиц... Чтобы найти ответ на этот вопрос, уважаемому А. Ахматукаеву, призывающему Е. Наговицыну и её героев «обновить знания по истории», не мешало бы и самому последовать своему доброму совету или хотя бы прочесть замечательную статью Владимира Денисова «От национальной розни до национальной резни» («Наш современник», 2000, №6), в своё время получившую ежегодную премию редакции, учреждённую совместно с Советом Православного Братства во имя Святителя Иннокентия, и не теряющую своей актуальности спустя полтора десятка лет! Причина депортации, о которой вспоминает критик, чеченцам, хорошо знающим свою историю, известна: исчисляемые десятками (!) бандформирования в годы Великой Отечественной войны, «когда Красная Армия с трудом отбивала атаки немцев, рвущихся к кавказской нефти», подняли вооружённый мятеж в тылу собственной воюющей армии! Чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки пошли на сговор с немцами и принимали от врага помощь в снаряжении и оружии. За это по меркам военного времени полагается трибунал. Сталин горцев пожалел...¹⁰ В. Денисов

¹⁰ «Военный трибунал в военное время для людей, поднявших вооружённый мятеж в тылу воюющей армии, стопроцентно гарантировал единственную меру наказания – расстрел, приводимый в исполнение сразу после оглашения приговора. Чеченский и ингушский народы в считанные дни потеряли бы десятки тысяч крепких, здоровых мужчин. Утратив такой генофонд, нация хиреет. Вполне вероятно, что если бы Сталин решился на законные меры, о чеченцах и ингушах сегодня знали бы разве что историки... А поголовная высылка сохранила семьи». – См.: Владимир Денисов. «От национальной розни до национальной резни» («Наш современник», 2000, №6).

пытается проанализировать нестабильную обстановку на Кавказе (как раз от ермоловского времени, до «массовых беспорядков» августа 1958 года и последних чеченских событий) и вскрыть её причины.

И ещё. Малым народам позволительно и простительно кричать о росте самосознания, большому же (великому!) народу даже малое проявление этого самого самосознания вменяется едва ли не как (в) смертный грех. Тут же начинаются вопли о шовинизме, особенно со стороны тех, кого кормила (и продолжает кормить) Россия на протяжении даже не десятилетий, а веков, кого одевала-обувала, кому строила дома, основывала производство, щедро дарила образование и науку, отдавая и делясь по принципу: лучшее – другим, а сами будем радоваться радостью других. Укрепляя границы государства, являясь проводником интернационализма, русский народ сам оказался заложником космополитической идеи, взрастив потребительские настроения малых народов.

Вторым по важности недостатком прозы Наговицыной критик указывает жестокость. Что тут сказать? Сайты «Окорка.ru», «ArtOfWar», «66.mvd.ru» – не для слабонервных; жаждущим утешиться и повеселиться лучше зайти на «Ералаш». Но даже для не особых любителей боевиков и фэнтези сегодня очевидна популярность этих жанров. Об этом свидетельствует и первое место в рейтинге зрительских симпатий прозы Е. Наговицыной. Современному читателю оказалось близким творчество, синтезирующее реализм, мистицизм, кое-что от фэнтези и боевиков. А отсюда неизбежны изображения военных сцен с их натурализмом и жестокостью. В своих героях автор способна показать «тлеющую внутри злобу», отразившуюся смерть в глазах, готова из «лавины воспоминаний» выстраивать события и судьбы. Самая жестокая, по убеждению критика А. Ахматукаева повесть «Энгенойская ведьма»,

представлена Наговицыной как боевик, а потому и не стоило ожидать от автора сказок. О чём в этом случае свидетельствует такая обнаруживаемая читательская потребность в боевиках? О читательской жестокости? О жестокости писателей, формирующих извращённое общественное сознание? О жестоковейных народах (тогда – каких именно?). Или, наконец, о жестокости мира вообще?

Анализируя жестокость Тамары-ведьмы (повесть «Энгенойская ведьма»), критик почему-то стыдливо умалчивает об истоках такой жестокости – мести. Мстит она за подругу Риту и «тех самых» четверых женщин-медиков, которые (опять тема предательства! – из-за слива информации стали заложницами врагов и были жестоко ими растерзаны). Случай-то, похоже, и впрямь реальный, раз автор выводит его в посвящение к повести, а отсюда и весь настрой произведения, не лишённого и мести, и ненависти к врагу, названной критиком «чеченофобией», и натурализма жестоких сцен, и «упивания мезьей», верно подмеченного критиком (хотя и в другом произведении – «МИ-24»). Но ведь это не от неправильности изображения или неправильности героев и автора. Та же Тамара-ведьма утверждает, что «война – вот что неправильно». Снайпер Тамара, как и любой человек, наделена и положительными, и отрицательными чертами. Добрая, но ведьма же, и доброта-то её относительна, а к врагу она предельно жестока (об особой, пугающей мужчин жестокости женщин в чрезвычайных ситуациях говорят и психологи). Есть свои счёты с врагом и у другого героя этой повести – Сани Крушнова: ужасной смертью умер его лучший друг Фёдор, растерзанный врагами... Да, плохо говорят они о врагах. А почему хорошо говорить должны? И почему критик размывает границу между автором и созданными им художественными образами?

В результате такого отождествления неизбежно начинаются нападки и на самого автора: в каких только грехах не обвиняет критик Е. Наговицыну – от трусости до выполнения «заказа»... А отсюда невольно рождается вопрос и к А. Ахматукаеву: а его-то статейка о шовинистических замашках русских – не политический ли заказ? Ведь мы судим по себе... И уж если критик не поскупился на цитирование собственных стихов, мне-то что скромничать? В нашем случае они вполне уместны:

Мы судим по себе –
Отсюда беды наши.
Пропавший человек
Пропавших видит в каждом,
 А праведный – во всех
 Себе подобных ищет,
 Хоть праведных людей –
 Один на десять тысяч.

«Все подлецы вокруг», –
Вздыхнув, подлец заметит.
А лжец увидит вдруг,
Что правды нет на свете!
 Что в мире нет добра, –
 Заметит злой сутяга;
 «Что наша жизнь – игра», –
 Изрёк актёр-бродяга.

Богатство ищет там
Богач,
 где нищим – сироты:
Ведь денежки – к деньгам,
А дыры – только к дырам.
 Уж коли сам убог,
 Так все вокруг убоги.
А если сам – как бог –
Зачем молиться Богу?

Всё просто простецу –
С него и мало спроса.
Всё мудро мудрецу –
Кругом – одни вопросы!

Для пессимиста мрак
Разлит во всей Вселенной...
И только лишь дурак
Увидит мир блаженным.

Всё в мире – красота,
Гармония и чудо.
Не верите? Тогда
Про это я не буду.

А коли сам горбат,
Да с рожею кривою –
То мир не виноват:
Он – зеркало большое.

Случайно ли в уже упоминаемом здесь жёстком рассказе «Случай на обочине» выписан Е. Наговицыной (и не увиден критиком Ахматукаевым) образ другого горца, живущего среди чужого народа, но живущего по-человечески? Этот трогательный мир Ардаши с его кавказским гостеприимством в ряду невымытых чашек рабочей бытовки («офиса-шмофиса»), с непременным вопросом, «как прошла командировка?», советом подумать о личной жизни, и непременным напутствием: «Заезжай иногда!»... Ардаша прекрасно понимает, откуда приехал военнообязанный Савва и куда поедет опять. Однако в образе этого героя явлено и трудолюбие, и открытость, и уважительность к окружающим, всё то, что характерно для пережившего геноцид армянского народа, рассеянного по всему миру, но не таящего вражды и мести.

Почему-то критик не увидел хотя и жестоких, и откровенно страшных военных изображений Наговицыной, но говорящих явно не в пользу войны и жестокости, как

например описание знакомого даже и мне, а тем более и А. Ахматукаеву, некогда красивого, но разрушенного войной города Грозного, превратившегося «в большой склеп», с площадью Минуткой – «перекрёстком на тот свет». Да, явно «не то это место, где мечты сбываются»: «Город превратился в декорацию для военного фильма. Все кругом в жирном дыму – вон валит черными клубами со стороны Заводского района, чадит железнодорожный вокзал и центр. Многоэтажки раскололись, а иные осыпались веерами ошестинившихся панельных плит. Воздух пропитан едким дымом и больным туманом. С неба сыпет ледяной крупкой, но она не покрывает землю белизной, а лишь питает густую, лоснящуюся грязь» (рассказ «Несколько длинных военных дней»). Героев этого рассказа «пригнали устанавливать конституционный порядок в Чечне». Те ли это герои, о которых слагаются песни? Ведь война, в которой они участвуют, не пользуется популярностью ни у чеченцев, ни у русских. Национальные конфликты, подогретые религиозными воззрениями, гражданские войны – едва ли не главное зло государственности и порядка. В дополнение к сказанному так и просятся слова А. Ахматукаева о том, что **национальные конфликты являются трагедией для всех, кого они касаются.**

В рассказе подлинно передано не просто «настроение», а состояние бойцов, оказавшихся в здании-склепе – братской могиле своих и чужих: их чередующиеся страх, жажда жизни и борьба с «нашёптываемой демоном безразличия апатией» за «шанс вернуться домой и пожить»... А вот и квинтэссенция «чеченофобии» главного героя, выраженная кратко и точно: «Нет, что я говорю, это не город – это огромная черная тварь, пожирающая людей, перемалывая кости бетонными осколками зубов, переваривая их нашпигованные железом тела и смакуя

поджаренные трупы, громко чавкающая и отрыгивающая кровавые ошметки. Эта тварь, причмокивая, пила кровь, и все время находилась в поиске, в движении, громко ревела и требовала жертв. Этот город вкусил человечины, ожил и стал сам по себе – злой, жестокий, чёрный, грозный и абсолютно мертвый. Фигня, конечно, получается, как это может быть живой и мертвый одновременно? Но в этом месте, лишенном времени и пространства, такое казалось реальным. Этот город стал безумен. И безумные шакалы носились по нему, ища новую жратву для своего божества – кромсая, взрывая, уничтожая. Ибо только трупятинка, приправленная ужасом, была по вкусу их идолу войны. Поэтому бандитам было мало убить, им надо было покуражиться, порезвиться, утолить свою жажду садизма. Им было важно сломить, запугать, исковеркать. И это началось задолго до нашего прихода. Я не знаю, что случилось с этим народом, но что-то с ним ведь случилось, раз они стали стрелять, резать, насиловать, грабить своих соседей, людей, которые жили с ними рядом столетия, с которыми они вместе встречали праздники, беды и несчастья, вместе веселились и печалились. И вдруг вспомнили, что они русские, объявили их чужими и обрекли на смерть. Разбудили страшную Тварь, не знающую жалости и сострадания. Только одного не учли эти темные люди – что Тварь ненасытна, не разбирает, кто свой, кто чужой, жрёт всех подряд, и имя у нее – Война». Не зная об авторе, можно было бы подумать, что рассказ написан пацифистом. Не зная места действия, этот универсальный в художественном отношении эпизод можно было бы отнести к любому месту на земле, где правят бал бандиты (именно бандиты – определение дано исчерпывающе верно).

А вообще-то если переключиться на политические, национальные, религиозные и половые различия, как это

делает наш критик, то дело никогда не дойдёт до оценки художественных особенностей произведений автора. Выискивать куски и крупички как у автора, так и у критика, подтверждающие «единство противоположностей», пользоваться их толкованиями обозначенных проблем, и добавлять свои – незавидная и для меня участь; лучше вовремя остановиться.

Так вот, про художественные особенности прозы Е. Наговицыной. Её творчество – попытка разобраться в трагедии чеченских войн. Неудивительно, что её писательский взгляд показался критику прицельно суженным, обращенным к грязным сторонам войны. Но соль наговицынской прозы именно в содержательной стороне повествований, философичности, наблюдательности, выраженной в мелких точностях, деталях (например: «гыркающая речь» («Несколько длинных военных дней»); «по закону жанра, цепанулся у кабака с несколькими кавказцами», «приходилось заглядывать под капюшон Смерти» («Встреча на обочине»), «... отражение смерти в глазах – это мрак во взгляде» («Тонкая струна» и т. д.) и профессиональной достоверности многих военных и мирных эпизодов, в ряду которых с наибольшей остротой воспринимаются эпизоды потери друзей и последующая рефлексия по поводу утрат. Отсюда и следует тяготение творчества Наговицыной к категории трагического, появляющейся часто, как известно, вместе с категориями героического и ужасного. Именно на высоту трагического, героического и ужасного поднято писательницей выстраданное понимание тяжкого, грязного, смертельно опасного воинского бытия, в авторском отражении которого мы не найдём матерных слов, цинизма и пошлости. Трагедия показана ею как трагедия, героизм – как героизм, ужас – как ужас. Наговицыной веришь; в её реализме нет ничего надуманного, пафосного, а натурализм не отдает

пошлостью, и пропущенные через страдающее сердце автора судьбы героев находят сочувственный отклик у читателей.

Безусловно, на выбранной тематической стезе военного полигона (поиска своего места в жизни и предательства) автору не избежать изображения жестокости, ужасов войны. Важно не опускаться до их смакования и на пути к качественному тексту отыскать такие средства выразительности, с которыми художественное произведение становится именно художественным, приемлемым большинством читателей.

От чего предостеречь молодого автора? Что пожелать?

Может быть, напомнить, что смакование безобразного, пошлого, низменного – антиэстетично. Хотя этим грешили Леонид Андреев, ранний Шолохов и даже Лев Толстой (см., например, его пьесу «Власть тьмы»).

Пишущий человек всё-таки должен просчитывать и угадывать, «чем наше слово отзовется». В работе над художественным словом писатель, как и сапёр, не имеет права на ошибки. Ему не простят неточности и погрешности ни читатели, ни критики, как не простили Виктору Астафьеву романа «Живые и мёртвые». Не простили недопустимого для классика натурализма и мата, но более всего – пересадки сегодняшнего изменившегося как индивидуального писательского, так и в какой-то мере общественного воззрения (но только – в какой-то мере!) на ту войну.

Творчество Екатерины Наговицыной я могу сравнить с творчеством В. В. Верещагина, который известен как художник, но по духу своему он был воином. Хотя он и отказался от карьеры военного в пользу творчества, но с девяти лет получил соответствующую закалку сначала в Малолетнем кадетском корпусе, потом в Петербург-

ском морском кадетском корпусе; был гардемаринном флота. Эта профессиональная закалка очень пригодилась ему.

Верещагин бывал на Кавказе, дважды – в Средней Азии или Туркестане. Был участником военных азиатских походов и как художник, и как воин, и за особое мужество и боевые заслуги при обороне Самарканда от войск бухарского эмира получил орден Святого Георгия четвертой степени. Верещагин был на Филиппинах и Кубе во время испано-американской войны; участвовал в русско-турецкой войне, где был ранен. Ему приходилось убивать... Он и в штыки ходил, и в атаку... В шестьдесят два года отправился на Дальний Восток, на Русско-японскую войну. Там и погиб под Порт-Артуром вместе с адмиралом Макаровым и экипажем подорвавшегося на mine броненосца «Петропавловск».

Верещагин нарушил все каноны живописного искусства. Картины баталистов-современников отражали лишь парадную сторону войны – героику сражений: ни грязи, ни крови, ни смрада, ни ужасов войны они не передавали. А Верещагину хотелось показать истинное лицо войны, её ужасы, чудовищность и бессмысленность; через смерти, казни, историческую правду он утверждал гуманизм и идею мира. Не зря же его выдвигали на соискание первой Нобелевской премии – как «борца с войной». А художник и теоретик искусства Крамской назвал его «туркестанские» картины большим завоеванием, чем территориальное завоевание России в Средней Азии.

Верещагин не в бинокль войну разглядывал, а вместе с солдатами участвовал в атаках, штурмах, оборонах, голодал, холодал, болел, рисковал жизнью... И его художественная правда – это тот истинный реализм битв, о котором он знал не понаслышке, знал воинским ратным трудом, усталостью, жаждой, тоской по мирной жизни.

Он через себя войну пропускал, переживал, по его словам – выплакивал горе каждого раненого и убитого...¹¹

Художник не видел в войне победителей; он писал людские страдания, обоюдную жестокость сражающихся, варварство... Его упрекали в умышленном подчёркивании ужасов войны, клевете на русское воинство, в недостатке патриотизма и поэзии в искусстве... Он встречал непонимание и критики, и военных руководителей, и знатоков, и обывателей.

Так вот, и у Верещагина, и у Наговицыной эстетически оправдано изображение ужасов и трагедий войн, участниками которых они были.

¹¹ На его картинах – страдающие и умирающие воины, сцены разрушения и всё то, что было обратной стороной блистательных побед. Мёртвые, раненные, изувеченные турками воины – с отрезанными ушами, носами, вырезанными кусками кожи, выколотыми глазами... Его потрясло изуверство над телами убитых – нескольких сотен егерей под Телишем... Он изобразил обезглавленные голые трупы: под тусклым небом целое поле обезображенных покойников... Художник совершенно потряс благочестивую публику. Но на выставке оказался очевидец – священник, который отпевал этих воинов. Он и подтвердил, что так оно и было на самом деле.